И.А. Щеглов

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ ВЛАСТИ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Политическая социализация относится к числу проблем, занимающих видное место в социологии и психологии личности, в структуре политической системы, в социокультурном анализе развития общества. Интерес к ней со стороны социологов, политологов, психологов, педагогов свидетельствует о масштабности проблемы. Мировой опыт социализационной работы раскрывает теоретико-методологическую, научно-практическую, социальную сложность и остроту возникающих в этой области вопросов.

В современной западной политологии политическая социализация рассматривается как «процесс включения индивида в политическую систему, которая оснащает его опытом предыдущих поколений, закрепленным в политической культуре… с одной стороны, происходит воспроизводство политической системы через рекрутирование и обучение новых исполнителей политических ролей. С другой стороны, требования политической системы переводятся внутрь личности, интериоризируются ею»[1].

Интерпретации процесса политической социализации, изначально стимулированные статусно-ролевым подходом, в определенном смысле оказались продуктивны. Тема «гражданин», занимающая центральное место в американской теории политической социализации, вызывает полное понимание, однако, нельзя изучать личность, начиная с доказательства личности. Она не поддается учету, несмотря на ложную простоту операционализации. Одновременно с этим статусно-ролевой подход исключен реальностью в качестве чисто практической модели, что определяет несостоятельность крайней абсолютизации данного подхода: он выступает, скорее, в виде эталона присутствия.

Политическая социализация как научно-тематическое направление возникла в XX столетии с заложенной в ней расположенностью сознания, под впечатлением вполне определенного мыслеобраза. Проблема политической социализации появляется в ответ на запросы процессов институционализации, связанных с изменением

[1] Зарубежная политология: Словарь-справочник / Под ред. А.В. Миронова, П.А. Цыганкова. М., 1998. С. 209.

структур и изменениями в структурах «институциональной инфраструктуры». Идеальная модель исходит не из абстрактно-идеального образа, который моделируется применительно к живой реальности, а из образно конструирующего сознания. Реальный объект исследования идеализируется так, как отображен в сознании, представляющем собой не отдельно стоящую, а развертывающуюся во времени форму бытия. Образ проблемы изначально застает себя действующим в сознании.

Политическая социализация понимается главным образом как сфера политической направленности социализации. Такая организация проблемы не дает выхода и связана в целом с организацией понимания процесса политической социализации как такового. Ограниченность самой теории в изучении процессов социализации и политической социализации, в частности, издержки нормативных, институциональных практик неизбежны; они включены, прежде всего, в определенный способ мышления, и олицетворяют собой естественный этап исторического, социокультурного развития, а также развития научной мысли. Гипотезы, положения, идеи, выдвигаемые на фоне общего социокультурного и психологического климата эпохи, составляют единый капитал науки; они действуют в научном контексте в качестве совместимого научного знания. Включенный в языковую реальность, язык науки служит отражением бытийствующей, формирующейся и работающей в конкретно-временном пространстве мысли.

В отличие от социализации, политизация и политическая социализация – это, прежде всего, формы институционализированного бытия. Этим во многом объясняется структурно-функциональное видение проблемы. Политическая социализация, политизация эволюционно более поздние, по сравнению с социализацией, формы бытийствования.

Общая теория политической социализации находит выражение в создании текстов, организованных вокруг упорядоченной шкалы измерения, которая ориентирована на некий стандарт с включением показателей, указывающих на этот стандарт. Схематизируемый гуманитарный текст относительно прост в обращении, позволяет оперировать шаблонно-стратегическими программами, выигрывая на доступности уровня сложности. Прилагаемый к реальности образ, модель стандарта обретает, наряду с социально значимым оглашением, автономно-самостоятельное звучание. Человек реальный не устраняется из сферы научного познания, но ставится в такие условности своего существования, при которых он способен быть только в теории, или в идеале. Идеальный тип (сверх) социализированной, («хорошо») политизированной личности несет на себе требования

системы, запросы общества и, кроме того, относительно легко помещается в ответ на теорию. Идеально социализированной личностью считается личность, которая обладает идеалом социализированности. Научная мысль стремится к вмешательству теории по устранению недостатков, вызванных жизнью; научные результаты получают не просто субъективный, а предвзято-субъективный характер.

Подходы к политической социализации с позиции политической системы построены в форме работы над личностью (формирования у человека позитивных установок в отношении политической системы, научения гражданина необходимым политическим ролям, введения индивида в мир политики – правила игры, символы) посредством действия институтов и агентов политической социализации. Политическая социализация в системной трактовке представляет собой агентно-институциональный механизм политической системы, который служит необходимой функцией социализации граждан в отношении политической жизни, главной заботой по подготовке граждан (посредством политического научения) к «взрослой» жизни. Процесс политической социализации подчиняется следствию институциональных воздействий на индивида. Однако ни агенты, ни институты политической социализации неосновательны для выведения на их базе фундаментального звена научности тематики. Теория политической социализации стремится к моделируемости человека, причем не всего, а того, что составляет его «часть».

Отношения в политическом пространстве носят, безусловно, властный характер, но не исчерпывают своей взаимоположенностью существа проблемы политической социализации. Важно то, чем заполнены эти отношения. Сама включенность в систему политических отношений свидетельствует о невозможности достижения независимости от политического пространства, хотя не указывает, какое участие принимают эти отношения в создании поддерживающей среды для частной личности. Включенность в область бытия политического пространства и потребность в освоении сфер политического пространства – это разные вещи. Поддерживающая среда – та, которая способствует становлению и развитию личности, при условии, когда это развитие ощущается личностью как необходимое для нее, жизнезначимое. Она формируется из складывающихся и входящих в личностно-жизненное пространство присутствий, работающих на структуру личности. Чем ярче образ присутствия выражен в сознании людей, тем более он обладает культурной значимостью.

Общий климат функционалистской парадигмы в политической науке складывается под воздействием идей позитивистской ориентации: понятие социального действия становится ключевым звеном

в исследовании всей системы общественных отношений. Устойчивость функционалистского понимания процесса политической социализации заключается в том, что сохраняется общее понимание человека как существа асоциального, но способного стать личностью посредством системы институциональных и групповых воздействий, силы норм, образцов; политическая социализация, отсюда, возлагается либо на рычаги государственного контроля и управления, либо массового и группового воздействия, либо силу примера, образца. Органичными для теории политической социализации выступают поведенческий подход и построение поведенческой модели личности. Заманчивость такого подхода в том, что он обещает дать «исчерпывающую» интерпретацию социализированного поведения, где поведенческий механизм – внешне заманчивый критерий измерения измеряемой величины.

Функциональная схема уязвима в принципе. Функционалистская парадигма раскрывает не весь функциональный аспект, а лишь отдельные способы поведения, действия человека в конкретизированных научным интересом условиях (чаще всего, в рамках электоральных компаний). Операционализация понятием политического действия сводит эффективность изучения процесса политической социализации к изолированным отношениям по поводу задач теории. Кроме того, речь, по сути, сводится к конвенциональности происхождения социализированной функции. Функционалистская парадигма более восприимчива и расположена к несопротивляющейся ей реальности – доступной исследователю, обозримой, что далеко не всегда оплачивается позитивной перспективой.

Вопрос о функциональности функционалистских моделей политической социализации лежит в основе природы функции. Альтернативы функции нет. Она включает в себя все, что имеет отношение к человеку. В споре между жизнью и теорией последняя оказывается в проигрыше. Человек не знаком с дисфункцией, в то время как теоретическая модель может быть дисфункциональной. Функция, определяемая теоретической моделью, не обязательно попадает под описание функции, определяемой человеческим поведением.

Функционалистская парадигма переориентирует дискуссионность исследования с личности на проблему по поводу личности. Неэффективность такого подхода в том, что он ограничивается трактовками личности – рационалистическими, индивидуалистическими, технократическими, что имеет отношение, скорее, к идеологии науки, чем к самой науке.

Функционалистская парадигма сводит проблему социализации личности в обществе в первую очередь не к личности, а к анализу того, посредством чего индивид становится или может стать лич-

ностью. Места для процессов социализации, политической социализации при таком подходе фактически не остается. Организация внутриличностных структур не организуется за счет дисциплинарной модели, восходящей к официальному истеблишменту. Недисциплинированная личность не зависит от понятия «социализированная личность», а стереотип дисциплинированной личности приводит в результате к поиску компромиссов между личностью гражданина и кодексом гражданственности. Деятельность институтов политической социализации в функционалистской парадигме приравнивается к процессу политической социализации, что обесценивает институциональные трактовки. Институты политической социализации не замещают собой процесс политической социализации, а указывают на наличие политизированного бытия.

Строгость, какой оперирует функционалистская парадигма, исключена из понимания того, что контрольная инстанция не способна к тому, чтобы поддерживать «нормальное» и пресекать «отклоняющееся» поведение; и то, и другое порождаются самой системой. Кроме того, та или иная форма «девиации» вообще не относится к поведенческому механизму. Во-первых, асоциальное поведение, поскольку имеет отношение к обществу, к социальной среде, и интерпретируется в отношении нее, не может не иметь социального основания. Далее, норма – понятие не регистрационное, а общественно-волевое. Логика изменчивости производит в каждое время свои «скользящие» нормы. Регулятивная норма не обладает и не может обладать тотальным контролем над фактически складывающемся бытием. Вместе с тем она не может не выражать собой то, что составляет работу единой технологически организованной реальности.

Ставка на теоретического человека с «высоким уровнем» гражданского самосознания ориентирована на обслуживание «высших» целей и ценностей, обеспокоенность в защиту которых принадлежит не иначе, как социализированному звену теории. Другой вопрос – что практически может теория в отношении того, что ею предписывается.

Теории политической социализации отражают в себе динамику структуры личности, которая передает информацию об эпохе, о времени, в котором человек живет. В этом плане ценность представляют и конкретно-прикладные исследования, которые дают впечатление об образе текущей реальности. Сопутствующие технологически организованной реальности формы (политического) мышления символизируют через стереотипизацию, идеологизацию, догматизацию бытия уровень и качество «проблематизации» в человеке политического начала.

Так, например, об организации политического мышления респондентов можно дать определенное заключение, исходя из уровня по-

нимания и осмысления ими проблемы, скажем, демократических прав и свобод личности. Идеи свободы, равенства, социальной справедливости могут нести различные идеалы свободы, равенства, справедливости. Каждое время производит свои образцы и идеалы, которые получают в различных сферах жизнедеятельности (в повседневной, научной, культурной жизни), а также в структуре индивидуального сознания отражение своей специфики. Человек оперирует и мерит той понятийной системой и теми впечатлениями напряженности, которые присущи обстановке временности. Социальная теория актуализирует, проблематизирует и решает ту проблему, которая востребована реальностью. Текст объединен тесной связью с социокультурным контекстом, переживающим в себе судьбу науки, рефлексию научного знания.

Тенденция сведения изучения процессов политизации, политической социализации к властной функции имеет свои причины. Моральная, организационно-финансовая поддержка исследовательских инициатив со стороны государства приводит к неизбежности поиска взаимности между властью и наукой. Как и любое производство, наука вступает, прежде всего, в деловые отношения с властью, которые требуют определенной взаимоотдачи. Ответом науки на поддержание стабильности системы, авторитета официальной власти выступает требование институционализации социологического и политологического знания. Именно такой – институционализированный – статус обретают американские концепции политической социализации (концепция политической поддержки, ролевые теории, большинство концепций принятия решений), а также теории политического участия, модели электорального поведения.

Социальная теория рассматривает человека в качестве элемента общества, системы. Такой подход правомерен лишь при изучении технических устройств: общество в качестве открытой системы не исчерпывается сложностью своего внутреннего строения, а человек – не есть функция. В противном случае общество представляло бы собой не более чем совокупность индивидов, единящихся системными связями.

Богатая научными подходами ориентация на «частичного» человека, по сути, несет на себе «долевое» участие теории в изучении проблемы личности. Разделение личности на сферы ее изучения не дает необходимого эффекта. Теория политической социализации в той форме, в какой она представлена в политической науке, остается вырванной из контекста личности. Речь, как правило, идет об изучении «частей» личности – мотивационного блока, поведенческого механизма, когнитивных процессов и т. д. Концепции идеальных типов (личности) не способны, прежде всего, к постановке проблемы лич-

ности. Необходимое присутствие человека заменяется эталоном присутствия, образцом, абстракцией. Частичный идеал личности отвечает требованиям оптимизации складывающихся во времени моделей личности.

Как гуманистические, так и техно-детерминистские подходы, при всей их внешней противоположности, включены в равноудаленную от личности перспективу; за точку отсчета берется не человек, а модель человека, которая ставится в такое положение, при котором она только и может быть естественна. Теоретический человек удовлетворяется теми версиями реальности, которые позволяют идти от доказательства человека, личности.

Центр социализации, политизации, политической социализации – структура личности. Сфера охватываемых в политической науке вопросов политической социализации широка, но ставка на социологическое измерение измеряемой величины изначально обречена на краткосрочную эффективность. Общий результат – привязка к ситуации, событию. Логика эмпирического делопроизводства не может быть адекватно понята вне истории, содержащей в себе опыт стадийности эволюции, развития, изменчивости. Актуальным для исследования процессов политизации и политической социализации выступает то, что актуализировано текущей ситуацией; это приводит к проблематизации актуальных вопросов, в известной мере дистанцированных на самих себя. Само исследование оказывается отчужденным в пользу собственных достижений, в чем и проявляется его мнимая независимость.

Социальная, практическая, теоретическая ценность того или иного подхода к проблеме не может определяться применительно к цели конкретно взятого научного исследования и эффективности достигаемых результатов. Природа фундаментальности научного знания не в «прочности» получаемых результатов, а в прочности того, за счет чего конкретные выводы получают поддержку реальности. В противном случае границы применения результатов будут очерчены пределами местечковости, временности. Выигрыш, в котором оказывается ориентация в решении частных задач, оплачивается утратой способности к длительности.

Социализированную реальность невозможно доказать; подобного рода «доказательство» приводит к доказательству борьбы за социализацию, что сводит процесс социализации к стратегии по поводу социализации. Все конкретное и индивидуальное столь богато и разнообразно, что не поддается продуктивному анализу и не попадает необходимым образом в теорию.

Вполне естественная для 1960-х гг., т. е. для начального этапа развития темы политической социализации тенденция к функциона-

лизму сохраняется вплоть до сегодняшнего дня; изучение процесса политической социализации включено в контекст изучения отношений в системах «человек–человек», «человек–общество», «человек–власть». Типичным для большинства подходов выступает построение жестких моделей политической социализации, которые слабо восприимчивы к тому, что не вписывается в строгие рамки, очерченные теоретической моделью. Такая позиция непреднамеренно, но радикализует ситуацию. Социальная теория сосредоточивает на себе содержащиеся в ситуации напряженности в обмен на попытку их строго научного обоснования решения.

Стоящее на защите рационально-учетных, практических соображений научное знание не безупречно в плане соотношения получаемых результатов с поставленной целью. Слабой стороной также выступает выбор теоретиком привилегированных систем отсчета, таких, как поведенческий механизм, мотивационный блок. Специфика социализации в том, что она не может быть равнозначна в подходах, предметом изучения которых становятся разноуровневые единицы отсчета проблемы.